

У любви в плену

*Любовь не входила в ее планы.
И конечно, это случилось.*

Джилл
ШЕЛВИС

Джилл Шелвис
У любви в плену
Серия «Лаки Харбор», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714002
Шелвис, Джилл У любви в плену : [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079435-5

Аннотация

Независимая, любящая риск и опасность Хлоя нисколько не похожа на удачно помолвленных сестер. Она не стремится замуж, не мечтает о любви и равнодушна к семейному бизнесу.

Однако все меняется после встречи с мужественным, обаятельным новым шерифом – мужчиной, словно созданным, чтобы покорить сердце хорошенькой бунтарки. Впервые в жизни Хлоя влюбляется по-настоящему, страстно и непреодолимо, впервые задумывается о том, чтобы быть с любимым рядом. Но внезапно призраки прошлого разрушают хрупкое счастье влюбленных...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джилл Шелвис

У любви в плену

Jill Shalvis

HEAD OVER HEELS

Печатается с разрешения издательства Grand Central Publishing, New York, New York, USA и литературного агентства The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Jill Shalvis, 2011

© Перевод. Н.А. Ануфриева, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Если цель не достигнута с самого начала, другие попытки бесполезны.

Хлоя Трегер

Она редко появлялась утром в кухне раньше сестер, но, поскольку Тара и Мэдди спали, это не составило ей труда.

Сказать правду, Хлоя еще и не ложилась. Широко зевая, она приготовила кофе, потом собрала все необходимое и вспрыгнула на прилавок, сморщившись от боли. Тишина кухни успокоила ее, пока она смешивала ингредиенты для своего бактерицидного крема. С учетом ее шумного образа жизни, это было приятным началом дня, который скоро превратится в сумасшествие.

Хлоя с горестной улыбкой покачала головой. Только год назад она была свободной как птица, счастливо парящая в любом направлении и не связанная никакими узами. Потом она вместе с единокровными сестрами, которых даже не знала, унаследовала в Лаки-Харборе полуразрушенную гостиницу на морском берегу, абсолютно не имея понятия, что с ней делать.

И все же, как ни трудно в это поверить, сестры ее восстановили, сделав процветающим заведением с ночлегом и завтраком для постояльцев. Теперь Хлоя, Тара и Мэдди были настоящими сестрами. Даже подругами.

Волны за окном бились о скалистый берег в пурпурном свете зари. Хлоя, снова зевнув, смешала мягкий пчелиный воск и ланолин с лавандовым маслом, позаимствованным из припрятанных запасов Тары. Потом осторожно налила крем в стерильный флакон, подтянула штанины тренировочных брюк до колен и стала покрывать антисептиком глубокие раны на икрах. Хлоя еще не успела перевести дух от боли, когда открылась задняя дверь.

Шериф Соьер Томпсон...

Ему пришлось нагнуться, чтобы войти, что неудивительно при его росте под метр девяносто и мощном телосложении игрока в бейсбол. Он был в форме, на боку висела кобура, а выражение лица напоминало Грязного Гарри, полицейского из одноименного фильма.

При взгляде на него у Хлои что-то напряглось внутри, некая сложная комбинация досады и неуместного желания. Они заключили нечто вроде перемирия, предполагавшего, что каждый из них живет по своим правилам. Обычно это означало два разных пути к одному и тому же выводу, хотя случались... размолвки.

Не желая объясняться по поводу прошлой ночи, что наверняка привело бы к очередной размолвке, Хлоя быстро опустила штанины и выдала самую профессиональную улыбку из своего репертуара.

– Шериф.

– Ты сегодня одна? – оглядевшись, спросил он.

Улыбка стала искренней, когда Хлоя добилась своего. С лица шерифа исчезло безразличие, и она знала почему. Обычно кофе по утрам готовила Тара, причем настолько изумительный, что по дороге на работу Соьер заходил к ним выпить чашку вместо какой-нибудь офисной дряни.

– Тара все еще в постели с Фордом, – сообщила она ему.

Упоминание о том, что его лучший друг и сестра Хлои спят вместе, заставило Союера поморщиться. А может, виной тому была грубая прямота. Так или иначе, он молча направился к кофеварке. Походка у него была странно размеренной, словно он тоже устал как собака.

Местная полиция и отделение шерифа еженедельно играли в бейсбол с пожарными и медработниками, что в очередной раз произошло и прошлой ночью. Наверное, поэтому форменная рубашка Томпсона помялась на спине и была влажной от пота... Похоже, Сойер играл слишком энергично. Или после матча у него состоялось пылкое свидание. А это возможно, если учесть, какой интерес во время дежурства проявляют к нему женщины от двадцати одного года до сорока лет.

Томпсон повернулся и, прервав ее размышления, вопросительным жестом указал на кофейник.

– Угощайся. Я только что приготовила.

Это заставило Сойера остановиться.

– Ты его отравила?

Хлоя улыбнулась со своего насеста.

– Возможно.

Покачивая головой, Сойер достал из буфета кружку и налил себе кофе.

– Ты смелый.

– Ты ведь пьешь его. – Сойер указал на кружку, стоявшую перед ней. – У тебя множество недостатков, Хлоя, но безумие не один из них.

Она подозревала, что одним из этих «недостатков» была заноза в его очень красивой заднице.

Сойер прислонился к прилавку, изучая ее. Спокойно. Умозрительно. Без сомнения, люди тушевались, когда он это делал, спеша заполнить молчание.

Но Хлою молчание не беспокоило. Нет, ее, разумеется, волновали собственные ощущения, когда он так смотрел на нее. Его глаза зачаровывали. Они были цвета молочного шоколада, а иногда, как сейчас, в них вспыхивали крошечные золотые искры. Волосы каштановые, проявлявшие на солнце всевозможные оттенки. Теперь они были взъерошены, падая спереди на лоб и спускаясь почти до воротника сзади. Вероятно, Сойер не шел на дежурство, как она думала, а возвращался с него. Это значило, что он тоже всю ночь провел на улице, истребляя преступность как супергерой.

И кроме того, умудрялся еще хорошо пахнуть. Это было выше ее понимания, однако все в нем напоминало ей о том, что она женщина.

И что у нее слишком долго не было секса.

– Кажется, сейчас рановато даже для тебя, – заметила Хлоя.

– То же самое можно сказать и о тебе.

Что-то в его голосе заставило ее насторожиться. Черт, она его недооценила: он раскусил ее. Хлоя слегка передвинулась, чтобы спрыгнуть с прилавка, но Сойер оказался проворнее. Он уже стоял перед ней, препятствуя бегству: одна рука на ее бедре, другая – на противоположной лодыжке.

– Романтик, – сухо произнесла она, хотя сердце у нее понеслось вскачь. – Но сначала я должна позавтракать, тебе не кажется?

– Ты истекаешь кровью.

Он поднял штанины ее тренировочных брюк, стараясь не коснуться ран. Хлоя тщетно попыталась освободиться.

– Не дергайся. – Сойер с мрачным выражением осмотрел глубокие порезы. – Объясни.

– Ну, я упала, вылезая из постели?

– Попробуй снова, без вопросительного знака.

– Я упала во время длительной прогулки.

– Ответ неправильный. Ты не ходишь пешком, Хлоя, это усугубляет твою астму.

Он наклонился, чтобы лучше видеть, и отвел ее руку, когда она хотела закрыть ему обзор.

– Железо. Думаю, железная изгородь. Вероятно, ржавая.

Сердце у Хлои на миг остановилось. Черт, он знал. Хотя она была такой осторожной.

– Тебе необходим укол от столбняка. И охранник. – Сойер выпрямился, но ее не отпустил. – Где собаки, Хлоя?

– О чем ты?

На самом деле она только притворялась непонимающей, ибо всю ночь провела со своим лучшим другом Лансом, спасая тех самых шесть собак. В сущности, похищая их.

К ее чести, это был вопрос жизни и смерти. Парень по имени Ник Рейбо, хозяин молодых питбулей, собирался убить их ради забавы. Действия Ланса и Хлои спасли жизнь собакам, но в то же время считались взломом и проникновением. А поскольку это незаконно...

Сойер ждал, когда она заговорит. Терпением он превосходил библейского Иова, и за годы службы в полиции он, без сомнения, выслушал множество историй. Ее исповедь станет одной из тысячи других.

– Собаки с Лансом, – призналась она.

– Боже, Хлоя!

– Иначе бы они погибли!

Выражение лица еще говорило о стопроцентном копе, однако тон немного смягчился.

– Ты должна была позвонить мне.

Возможно, подумала она.

– И что бы ты сделал? Они бы просто не начали бой, и ты не смог бы увести собак с личной земельной собственности Рейбо. А они хотели устроить бои, Сойер, натравить их друг на друга. Убить.

Даже сейчас Хлою мутило от этого. Голос у нее слегка охрип, но Сойер промолчал и, наклонившись, снова исследовал раны.

Это случилось, когда они убегали и Хлоя ползла за Лансом под изгородью.

Хлоя затаила дыхание, не представляя, как поступит Сойер. Он, конечно, может арестовать ее, но пока еще не взял наручники, не зачитал ей права. Хороший знак.

– Довольно глубокие, – сказал он.

Хлоя позволила себе выдохнуть.

– Ничего страшного.

– Ты промыла их?

Сойер провел длинным мозолистым пальцем вдоль особенно угрожающего вида разреза, и Хлоя вздрогнула. Не от боли. Может быть, от усталости, а может, от того, что он стоял так близко и выглядел очень сексуальным. Ее буйное воображение самовольно нарисовало ей «Железного копа и Плохую девчонку»...

– Хлоя.

– Да?

Теперь он казался чуть настороженным.

– Ты промыла их? – повторил он.

– Да, сэр. – Хлоя невинно улыбнулась.

Однако ей придется контролировать уровень своих гормонов, когда Сойер будет делать противостолбнячный укол, поскольку она слишком ясно ощущала исходящие от него огонь и силу, не говоря уже о собственном жаре. А это особенно досадно, ибо она решила вообще не связываться с непреклонными мужчинами, тем более с полицейским.

Задняя дверь открылась, и Хлоя вздрогнула. Сойер даже ухом не повел. Черт, он, вероятно, и сексом занимается так же бесстрастно.

Неправда, подумала она, глядя ему в глаза. Просто у Сойера нет сомнений в собственных действиях. А вот у нее побежали мурашки, когда в комнату вошла Мэдди, а за ней ее жених Джекс.

Еще совсем недавно они с Тарой называли сестру «Мышь», но с приездом в Лаки-Харбор та переросла свое прозвище. Сейчас, увидев шерифа, стоявшего у Хлои между ног, Мэдди остановилась так резко, что Джекс уперся ей в спину.

– Что происходит?! – спросила она.

Хлоя понимала ее удивление: как правило, они с Сойером не уживались в одном месте. Фактически, оказавшись в непосредственной близости, они походили на двух тигров с оскаленными зубами.

– Как бы там ни было, – сказал появившийся Джекс, – это выглядит довольно занятно.

Налив себе кофе, он направился прямо к Хлое и взялся за ящик под ее правым бедром.

– Ты можешь отодвинуть ее ногу? – спросил он Сойера. – Мне нужна ложка.

Тем временем Мэдди упала в кресло и напряженно разглядывала пару.

– Значит, вы двое...

– Нет! – ответила Хлоя, оттолкнув Сойера, который даже не двинулся с места, черт бы его побрал. Более того, он снова наклонился к ее левой икре.

– Думаю, тебе следует наложить швы, – сказал он.

Испуганно охнув, Мэдди вскочила. Через несколько секунд перед Хлоей стояли, глядя на ее раны, сестра, жених сестры и человек трудно определимой для нее категории. Она тщетно попыталась сдвинуть ноги, затем взмахнула руками.

– Это просто царапины!

– Хлоя, дорогая, – с беспокойством пробормотала Мэдди, – ты должна была позвать меня. Что случилось, где еще ты поранилась?

Теперь Сойер окинул взглядом ее тело, как будто мог что-то увидеть сквозь одежду. Самая испорченная часть сознания подстрекала Хлою сообщить ему, что царапины распространяются вверх и необходим более тщательный осмотр.

При этой мысли ей стало трудно дышать, и она потянулась за ингалятором.

– Я в порядке. Отойдите.

Сойер подтолкнул Джекса.

– Прошлой ночью она и Ланс спасли шесть собак из загородного дома Маккарти, – сообщил он Мэдди.

Та с явным испугом покачала головой.

– Боже! Хлоя! Это... слишком опасно. Рейбо способен на любую гнусность.

Чтобы Сойер наконец тоже отошел, Хлоя пнула его ногой. Безрезультатно: скала не двинулась.

– Здесь очень жарко, – сказала Мэдди и открыла окно.

– Это вызвано сексуальным напряжением. – Джекс многозначительно поднял бровь.

Дешевый юмор.

Сойер ответил ему долгим бесстрастным взглядом, несомненно лишившим плохих парней контроля над их кишками, однако Джекс только улыбнулся.

– Если б я готовился совершить действие с женщиной, то по крайней мере купил бы ей сначала завтрак.

Хлоя кивнула.

– Именно это я и сказала.

Мэдди плюхнулась к Джексу на колени и обняла.

– Со мной ты совершил много действий, а где завтрак?

– Ни к каким действиям я не готовился. – Увидев, куда направлены их взгляды, Сойер тут же выпустил Хлою и отошел с поднятыми руками. – Все. Теперь я иду спать. Один.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – спросил Джекс. – Ты не умеешь веселиться. Давно этого не делал.

– Тебе вот это... – указал Сойер на тело Хлои ниже пояса, – кажется чем-то забавным?

Джекс подавил фырканье, Мэдди закусил губу, чтобы скрыть улыбку.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – покачал головой Сойер.

Да. Он имел в виду, что сожалеет о раненых ногах Хлои, а также о ее рискованной затее прошлой ночью. Потому что, черт побери, ее нижняя половина могла быть очень интересной.

Начни она ее использовать.

Глава 2

Если нельзя идти напрямик, попытайся идти в обход.
Хлоя Треггер

Спустя неделю Сойер Томпсон вошел в спальню, положил на тумбочку пистолет, сотовый телефон и оглядел пустую кровать. День был сумасшедшим, и чтобы вынести это, ему требовалась женщина, ожидающая его.

Голой.

С бесстыдными намерениями.

А Синди, милая, скромная учительница средней школы, уже после четвертого свидания почувствовала себя несчастной с парнем, достигаемым только по звонку в полицию.

Они расстались несколько месяцев назад. Он ее не осуждал. Но и меняться ради нее тоже не собирался.

Сойер разделся, включил душ и, упершись ладонями в кафельную плитку на стене, подставил под горячие струи ноющую шею и плечи. Сегодня у него был выходной, но в округе постоянно не хватало людей, а его коллега шериф Тони Санчес взял свободный день, чтобы помочь жене отвезти новорожденных близнецов на осмотр. В результате Сойеру пришлось разрываться между Лаки-Харбором и двумя соседними городками.

Утром он обнаружил бездомного парня, скорчившегося на скамейке. По заключению патологоанатома, смерть наступила по естественным причинам. На тридцать седьмом шоссе принял роды у женщины, которая, даже чувствуя приближение критического момента, имела глупость сесть за руль и поехать в больницу одна.

Днем он прекратил шумную ссору в баре, съездил на вызов по поводу семейного конфликта, затем спасал из канализационной трубы пятилетнего ребенка с его щенком.

Душ смыл только остатки этой грязи, не восстановив его силы, не утолив голод. Пицца и бутылка пива заполнили бы пустоту в желудке, если б у него имелось на это время. По слухам, Ник Рейбо приобрел других собак для полуночного зрелища, и Сойер хотел убедиться, что этого не случилось. Может, потом он съест пиццу, выпьет пива с Фордом и Джексом. Его лучшие друзья присоединились бы к нему в любое время, но сегодня он составил бы им дрянную компанию.

Намыливаясь, Сойер думал о женщине. Он всегда гордился своим благоразумием и логикой, а теперь хотел женщину, для которой любимым развлечением стало делать из него посмешище. Хлоя была упрямой, импульсивной, несносной и, черт возьми, пылкой. К тому же она являлась напоминанием о бурном периоде его жизни, от которой Сойер отказался. Жизни со множеством сексуальных увлечений, не имеющих будущего. Ибо он человек, прочно обосновавшийся в этом городе, а Хлоя – всего лишь перекатиполе.

На следующий день после инцидента с собаками местная газета опубликовала статью о недавних случаях вандализма и мелкого воровства в округе. Анонимный автор включил даже список людей, известных стремлением к беспорядку; там значилась и Хлоя.

Что неудивительно.

Хотя вряд ли она расстроилась. Не в ее характере беспокоиться, что подумают о ней люди. Однако это наверняка обеспокоило ее сестер, озабоченных репутацией своего заведения.

Конечно, если б он арестовал Хлою за посягательство на чужое владение и кражу, это повредило бы репутации гостиницы и стало личным адом для него самого. Тара и Мэдди не пощадили бы его. Хотя он не арестовал Хлою по другой причине. Не арестовал потому...

черт. Потому что впервые в своей взрослой жизни он захотел выбрать другой путь, и ему это не понравилось.

За прошедшую неделю Сойер видел ее несколько раз. Однажды, когда она выходила из травмпункта с повязкой на руке после укола от столбняка. Затем несущейся по шоссе на «веспе», длинные волосы распущены, шлем и солнцезащитные очки закрывают большую часть лица. А вчера столкнулся с ней в бакалейно-гастрономическом магазине, когда Хлоя брала с полки бутылку водки – для работы, как она его заверила.

– Водка. Для работы, – засмеялся он и, мгновенно забыв об игре в бейсбол, с интересом остановился в проходе между полками.

– То, как она чистит стеклянную посуду, нельзя описать словами. При местном применении она действует как отличное предохраняющее средство. А при неместном использовании она является идеальным лекарством для мужчин.

– Как это?

– Очень просто. Несколько глотков, и ты излечился от глупости.

При этом воспоминании Сойер покачал головой. Она умудрилась вызвать у него два желания одновременно: и поцеловать ее, и бежать как черт от ладана.

Выйдя из душа, он бросил полотенце и надел чистую одежду. Во время дежурства он ездил на полицейской машине, а его личным автомобилем был грузовик. Они всегда стояли наготове, и сегодня, чтобы не привлекать к себе внимания, Сойер взял грузовик.

Лаки-Харбор, расположенный в чашеобразном углублении побережья, окружали величественные островерхие скалы и густой лес. Сейчас там царила кромешная тьма.

Нику Рейбо принадлежали десять акров земли, тянувшиеся от Орлиного утеса до глущины лесной чащи. Укромное место, идеально подходящее для всякого рода незаконных дел и шумных сборищ.

Сойер решил заняться им позже.

В этот ночной час он был единственным на дороге, пока спускался с холма в город. Луна, проглядывавшая сквозь облака, бросала тусклый свет на Тихий океан слева от него. И пирс, и город казались черными, а его мысли были еще чернее.

Он свернул на узкую дорогу, которая вела к Лаки-Харбору, но, объехав приветливо освещенную гостиницу, остановился перед маленьким коттеджем, где жила Хлоя.

Свет не горел.

Сойер очень надеялся, что она спит, а не участвует с Лансом во втором акте пьесы «Два глупца». На этот раз их могли убить. Но все надежды рассеялись, когда он включил фонарь и не обнаружил ее «веспу».

Дерьмо.

Постепенно свирепея при мысли, что Хлоя опять ищет неприятности, Сойер вылез из грузовика и огляделся. К своему облегчению, он увидел «веспу» рядом с коттеджем. Возвращаясь назад, он посветил фонарем на входную дверь, захватив лучом цветущие растения в горшках и циновку для йоги.

Когда Хлоя оставалась в Лаки-Харборе, а не работала где-то еще, она любила заниматься на рассвете йогой. Он видел ее на берегу, освещенную солнцем, с загорелыми руками и ногами, согнутыми под невероятными углами. Это наводило его на мысли о других, лучших способах их сгибания. Йога – единственное дело в ее жизни, требовавшее абсолютного покоя и неподвижности. Вероятно, именно это ее и привлекало.

Сойер понятия не имел, что привлекало к ней его.

Нет, все он понимал прекрасно. Обладая удивительной проницательностью и острым умом, Хлоя пользовалась ими, чтобы припирять его к стенке так часто, как могла.

И делала это весьма искусно.

А он искусно позволял ей.

Сойер покачал головой и повернулся, чтобы уйти, но его остановил крик, прорезавший ночную тишину. Он уже подскочил к двери с пистолетом в руке, когда Хлоя снова закричала. Хлоя.

В этом крике был не ужас, не боль, а страсть. Сумасшедшая страсть, подумал он, превосходящая по громкости вопли порнозвезды.

Третий крик прозвучал в сопровождении низкого, явно мужского голоса, и Сойер решил, что пора бежать отсюда.

Не успел он развернуться, как на веранде зажегся фонарь, полностью осветив его тому, кто наблюдал за ним в глазок. Секундой позже щелкнул запор, и входная дверь открылась.

– Сойер?

Он, поморщившись, оглянулся. Хлоя стояла на пороге со своим лучшим другом Лансом, оба полностью одетые, слава Богу.

Ланс был ее ровесником, болезненно худым и бледным от фиброзно-кистозной дегенерации, которая мучила его всю жизнь. Рядом с ним Хлоя казалась воплощением здоровья и красоты. Она могла бы стать моделью, однако ей мешала строптивость, абсолютно неприемлемая в этом бизнесе.

Она была в мягком черном облегающем свитере с капюшоном и в узких темных джинсах, заправленных в ботинки на высоких каблуках. Вид-предупреждение «не приставать ко мне».

Как ни глупо, факт, что у нее не было секса, обрадовал Сойера, и он снова повернулся, чтобы уйти. Хлоя дома, здорова и в безопасности. А это все, о чем он беспокоился.

– Сойер? Что ты здесь делаешь?

Хороший вопрос. Если бы еще знать на него хороший ответ. Внезапно Ланс поканулся и прижал руку к голове. Хлоя мгновенно обняла его за талию, чтобы поддержать.

– Что случилось?

– Ничего, – сказал Ланс, пытаясь освободиться. – Встал слишком быстро, вот и все.

– Тебе нужно сесть.

Игнорируя сопротивление, Хлоя осторожно проводила его до кушетки в маленькой гостиной, потом взглянула на Сойера.

– Что я могу для тебя сделать, шериф?

«Да, Сойер, что она может для тебя сделать?» Он задумался.

– Ты можешь объяснить нарушение указа о тишине.

Ланс тихо засмеялся.

– Указа о тишине? – спросила Хлоя. – Я нарушила указ о тишине своим притворным оргазмом?

– Ты шумела как мул, покрывающий кобылу, – подтвердил Ланс.

– Мул... – Хлоя задохнулась от смеха. – Тот, кто слышал это в натуре, даже не подумал бы сравнить меня с мулом.

– Это правда?

Сойер посмотрел на Хлою. Их взгляды скрестились в молчаливом поединке. Наконец Ланс кашлянул.

– Это судьба. Я побуду на кухне, пока вы двое закончите... что бы это ни было. Позови меня, если потребуется взять тебя на поруки, Хлоя.

– Конечно, – сказала она, не сводя глаз с Сойера. – Я дам тебе знать, если закончу в наручниках.

Ланс поморщился.

– Не зови меня.

Хлоя засмеялась, но Сойер уже представил ее в наручниках. Будь он хотя бы наполовину тем копом, каким себя считал, это бы не вызвало, не могло вызвать у него такую эро-

тическую реакцию. Ему показалось, что Хлоя точно знает направление его мыслей... и, возможно, ее собственные направлены в ту же сторону.

Температура в гостиной быстро поднималась, но хриплый кашель, тяжелый, неослабевающий, словно кто-то умирает, заставил Сойера вздрогнуть.

Хлоя бросилась на кухню, мгновенно став мягкой и заботливой, какой никогда не была по отношению к Сойеру. Войдя следом, он увидел ее шепчущей Лансу на ухо что-то предназначенное только ему.

Тот, явно не желая, чтобы его нянчили, отодвинул ее и постучал себя кулаком по груди. Наконец он сумел захватить необходимую порцию воздуха и взглянул на Сойера.

– Если вы приехали узнать, не собирается ли она на Орлиный утес, путь свободен. Она не собирается.

– Что? – Хлоя переводила взгляд с одного на другого. – У Рейбо опять есть собаки?

– Были, – ответил Ланс.

Сойер вздохнул.

– Ты уже забрал их.

– Это считалось бы взломом, проникновением и кражей.

О Господи. Сойер не знал, радоваться ли, что Ланс не втянул в это Хлою, или разозлиться, что он снова взял дело в собственные руки, вместо того чтобы передать его шерифу.

– Это нужно остановить законным путем. Ты сам знаешь.

– Для собак законный путь слишком долг, – ответил Ланс.

– Если тебя поймут с собаками, Рейбо настоит на обвинении.

Ланс пожал плечами. Его это не волновало. Да и почему это должно заботить парня с таким диагнозом?

Хлоя мрачно смотрела на друга, расстроенная. Но Ланс в ответ только покачал головой.

– Нарушителям спокойствия вроде тебя необходимо совсем другое упоминание в прессе.

– Меня не беспокоит, что думают люди. Я беспокоюсь о тебе, Ланс. И о собаках.

– Тебя заботит, что люди думают о гостинице. Заботит, что их сплетни о тебе повлияют на репутацию вашего заведения. Что это причинит вред твоим сестрам.

– Да, – вздохнула Хлоя.

Почувствовав едкий запах дыма, Сойер нахмурился и вышел из комнаты. За гостиницей и коттеджем плескался океан. В темноте он его не видел, но слышал шум прибоя. Слева находилась гавань для прогулочных катеров и пристань, а дальше начинался лес. Разжигать костры, не имея разрешения, вообще незаконно, не говоря уже о середине пожароопасного сезона, как теперь.

Сойер был уверен, что нет дыма без огня, и внезапно где-то за деревьями мелькнул несомненный отблеск.

Сойер повернулся к двери, чуть не сбив с ног Хлою, и непроизвольно схватил ее за руки. На миг они прижались друг к другу. Она пробормотала невнятное извинение, но не отступила.

– Это я виноват. Кто в твоём лесу?

– Такер и несколько его друзей, – ответил Ланс, стоявший за ней.

Такер был старшим братом Ланса, значит, с ним Тодд и Джейми.

– У них есть разрешение?

Ланс засмеялся.

Понятно. Разрешения нет.

– Они делают у костра что-нибудь незаконное? – спросил Сойер.

– Вероятно, пьют пиво.

Когда пил, Тодд становился королем неизлечимой глупости. Другие не уступали ему. Сойдя с веранды, Сойер остановился, потому что Хлоя последовала за ним.

– Я хочу пойти с...

– Нет, – сказал он, зная, как дым подействует на ее астму. – Жди тут.

Лицо у нее сразу окаменело, и на миг ему захотелось...

Черт. Он даже не мог сказать, чего хотел, когда это касалось ее. Хлоя ставила его в тупик, да они просто раздражали друг друга! Недавно ему все же удалось с ней поладить, что сделало его королем неизлечимой глупости.

Глава 3

Темнее всего перед рассветом. Так что, если вы собираетесь украсть газету вашего соседа, это самое подходящее время.
Хлоя Трегер

Хлоя твердо выдержала жесткий взгляд Сойера, хотя ей пришлось вытянуть шею. Он был высоким, до зубов вооруженным, и если блеск в его глазах что-то значил, то раздражение достигло предела.

Как обычно, когда это касалось ее.

Правда, несколько раз она действительно заслужила его гнев, впервые приехав в Лаки-Харбор. Но за прошедший год она повзрослела и научилась – по крайней мере пыталась – обуздывать свое импульсивное поведение.

Видимо, недостаточно. Потому что, когда Сойер приказал ждать тут, ей очень захотелось поступить по-своему.

В ответ на ее невысказанную реакцию уголки губ у него слегка дрогнули. Не улыбка, скорее гримаса. Он явно устал после чертовски трудного дня, но всегда был готов к чему угодно. В этом она убедилась. Он был напряженным, твердым и...

– Дым, Хлоя. Поэтому ты должна остаться здесь.

Она со вздохом кивнула. Сойер бросил на нее последний долгий взгляд и направился к лесу. Хлоя не терпела нелепой демонстрации физической силы или храбрости, но Сойер просто делал свою работу.

– Ты пускаешь слюни, – заметил Ланс.

Хлоя проигнорировала его, не спуская глаз с того места, откуда исчез Сойер. Нет, она не пускала слюни, она дрожала. Все в порядке, женщина должна быть мертвой, чтобы остаться равнодушной при виде Сойера Томпсона. А она еще жива.

Пока, грустно уточнила Хлоя, чувствуя, как дым начинает проникать в легкие. Она дважды в день принимала лекарства и, кроме того, носила с собой быстродействующий ингалятор для экстренного случая, как теперь. Сделав впрыск, она посмотрела на Ланса.

– Где твой спортивный свитер? У тебя синие губы.

Они знали, что губы синие не от холода, но Ланс послушно сходил за свитером.

– Ты предсказуема, Хлоя.

Да, у нее много недостатков: она перекатиполое, авантюристка, вспыльчивая, упрямая как осел, – но предсказуемая... Нет.

– Отнеси это назад, – велела она.

– Предсказуемая, – повторил Ланс. – Среди прочих недостатков.

– А именно? – Она сошла с веранды, но Ланс схватил ее за руку.

– Ты неизменна. Я не хочу, чтобы меня арестовали за выведение из себя полицейского.

– За это он тебя не арестует.

Хотя Ланс прав, раздражать Сойера не имело смысла. А что касается ее неизменности... Конечно, ей тоже хотелось бегать, танцевать, заниматься сексом, не нуждаясь в ингаляторе или машине «скорой помощи». Сестры настаивали, чтобы она хоть немного остепенилась, стала общественно приемлемой. Идея ясна: ей предлагали измениться. Но, черт возьми, она хотела быть принятой такой, какая есть, со всеми недостатками.

– Предсказуемая, – с отвращением произнесла она.

Ланс вздохнул и накрыл ее руку ладонью.

– Может, даже не предсказуемая, а...

– Сумасшедшая?

Он тихо засмеялся.

– Ланс?

– Да?

– Я действительно раздосадована твоей сексуальностью.

– Вот здорово, спасибо.

– Я имею в виду в отношении меня. Я хочу тебя хотеть. Ты знаешь?

Ланс провел рукой по ее ягодицам.

– Дай мне десять минут, и я изменю твое мнение... Ох, – выдохнул он, когда Хлоя толкнула его локтем, и добродушно рассмеялся.

Он знал. Они оба знали. Во-первых, со дня их знакомства Ланс ей как брат. Во-вторых, он был влюблен в одну из сиделок медицинского центра, где провел так много времени.

Но дальше этого дело не зашло.

– Какую женщину может привлечь больной парень с угрожающе коротким сроком жизни? – однажды спросил он ее.

Хлоя вздохнула. Секс противопоказан им обоим.

В густом тумане, стелющемся над водой, двигались тени, которые материализовались в Такера, Джейми и Тодда. Их сопровождал Сойер.

Когда они подошли ближе, Хлоя увидела, что Тодд держит какую-то бумагу. Он был явно не в себе. Парень, способный уговорить монахиню расстаться с одеянием, теперь безмолвно миновал веранду и направился к месту парковки. Джейми ушел с ним, а Такер оставался и со странным напряжением глядел на брата.

– Ты в порядке? – наконец спросил он и, когда Ланс кивнул, жестом указал вслед Тодду и Джейми. – Тогда идем отсюда.

Заметив колебание друга, Хлоя схватила его за руку.

– Ты ведь обещал испытать на мне растирание грудной клетки, чтобы посмотреть, не поможет ли тебе это легче дышать. Потом я отвезу тебя домой.

Не сказав больше ни слова, Такер исчез в тумане.

– Я буду в коттедже, – предупредил Ланс.

Хлоя повернулась к шерифу, который молча ждал. Сойер никогда не говорил больше необходимого, и это сводило ее с ума.

– Так что случилось?

– Я оштрафовал Тодда за незаконный костер.

– Одного Тодда?

– Именно он его разжег.

Хлоя молчала. Тодд был из тех парней, кто может рассказать, как он вошел в банк с одной улыбкой, а покинул его со всеми деньгами, оставив управляющего радоваться, что его ограбили. Кроме того, он был местным, а жители Лаки-Харбор очень любили своих, не важно, плохих или хороших.

Но Сойер тоже местный и столь же всеми любим, если не больше.

– Ты оштрафовал его, хотя здесь все костры незаконные?

– Они зажигались не в пожароопасный сезон.

– Это почти октябрь.

– Пожарный сезон, – повторил Сойер.

– Значит... если я разожгу костер, ты меня арестуешь?

– Штраф. Не арест. Не за первое нарушение.

– А если это мое второе нарушение? Тогда обыск и наручники?

Глаза у него потемнели.

– Какая связь между тобой и моими наручниками?

– Ну, если ты не знаешь, – с притворной застенчивостью сказала Хлоя, – я не хочу тебя развращать.

Она собралась войти в дом, но Сойер ухватил ее за свитер и потянул назад.

– Не так быстро. – Он изучал ее, не выдавая своих мыслей, и наконец решил: – Ты играешь со мной.

– Пытаюсь.

– Я не люблю игры, Хлоя.

Истинная правда. Она была знакома с ним почти год и, оказывается, вообще не знала его. Сойер все доводил до конца, и Хлоя позавидовала такой целеустремленности, поскольку сама ею не обладала.

– Так чем вы с Лансом до этого занимались?

– Попкорн. Болтовня. Всякая чепуха.

– Полагаю, с исполнением роли Мег Райан при оргазме.

Черт, разговор начинал напрягать.

– Я не уверена, что ты сможешь понять.

– Попробую.

– Так вот, иногда коттедж по ночам скрипит.

– Возможно, разохлось дерево и ослабли крепления.

– Да, но «возможно» – это лишь часть моего беспокойства. В основном меня раздражает скрип... громкий.

– А ты ночуешь тут одна.

– Конечно.

Мэдди переехала к Джексу, они все равно через два месяца поженятся. Тара живет у Форда, своего бойфренда. Когда были ночные постояльцы, три сестры работали посменно, хотя большей частью этим занималась Хлоя, не имевшая личной жизни.

– Иногда это похоже на... привидение. – Она ждала, что Сойер засмеется, даже придумала, как его оскорбить.

Но шериф только задумчиво смотрел на нее.

– Почему ты не рассказала сестрам, что не хочешь оставаться здесь одна?

Спасибо, она уже имеет дурную репутацию и не собирается подливать масла в огонь.

– У них и без меня полно дел. Не хватает еще добавлять им заботы рассказами о моих страхах. Не так уж я и напугана, просто начиталась Стивена Кинга и воображаю себе невесть что. Ланс знает об этом, и мы сочиняем забавные истории, подходящие моему призраку.

– Истории?

– Да, сегодня мы решили, что призрак – женщина, умершая здесь в девяносто девять лет. Девственницей.

– Призрак девяностодевятилетней старой девы.

– Эй, все не так ужасно, как ты думаешь. Она не может продолжать свою загробную жизнь, пока не получит оргазма. Поэтому остается здесь, исполняя желания. Сегодня Ланс попросил долгой нормальной жизни и... – У Хлои перехватило горло при мысли, что их с Лансом желание невыполнимо. – И мы постарались дать ей оргазм, которого у нее никогда не было.

Сойер поморщился.

– Фальшивый оргазм.

– Уж какой есть.

Хлоя не знала, что он подумал, когда услышал ее крики. И почему ее это заботит...

Сойер понимающе кивнул. Это абсолютно не соответствовало ее представлению о бесстрастном копе. Парне, который следовал правилам и шел по четкому, как на карте, пути, не меняя направления. Всегда только черное и белое.

Из-за двери высунулся Ланс.

– Ты готова отвезти меня домой?

Она кивнула.

– Хлоя, сегодня ты держишься подальше от Орлиного утеса, – произнес Сойер. – Не вопрос, приказ.

– Конечно.

– Я имею в виду то, что сказал. – Он снова стал копом.

– Я знаю, шериф.

Он позволил ей уйти. Хлоя села на «веспу», надела шлем. Когда Ланс устроился сзади, обняв ее за талию, она нажала на газ и рванула с места. В боковое зеркало она видела Сойера, глядевшего им вслед, пока их не скрыл туман.

Глава 4

Почему мужчина был создан раньше женщины? Потому что сначала всегда делают черновик.

Хлоя Трегер

Она встала до рассвета, когда небо еще оставалось черным. Каждый октябрь считался пожароопасным сезоном, однако этот выдался самым засушливым за последние годы, а потому и более опасным. Тем не менее у сухой погоды есть некоторые преимущества, которыми Хлоя и воспользовалась. Надев спортивные брюки и майку с длинными рукавами, она пошла на берег.

Во время разъездов Хлоя занималась йогой в самых фешенебельных отелях, но это место, с ритмичным плеском волн, разбивающихся о скалы, криками чаек и скрипом песка под ее циновкой, нравилось ей больше всего.

Потом она прогулялась, хотя обычно не делала этого из-за астмы. Но сегодня у нее было время и потребность истратить энергию. Хотя тишину нарушал только грохот прибоя, она давно изучила дорогу и хорошо ориентировалась в предрассветной темноте.

Лаки-Харбор был живописным маленьким городом с разноцветными домами в викторианском стиле. Вдоль длинного пирса располагались кафе, несколько магазинов, сводчатая галерея и чертово колесо. Поскольку Хлоя была еще не готова к предстоящему дню, она прошла до самого конца пирса, где чувствовала себя окруженной шумящим внизу океаном, и, закрыв глаза, подставила лицо соленому прохладному ветерку.

Трудно поверить, что она до сих пор в Лаки-Харборе. Целый год она, Тара и Мэдди живут собственной жизнью.

Они такие разные. Может, потому, что у них разные отцы, или потому, что выросли вдали друг от друга. Хлоя не знала. Их мама, Феба Трегер, была воплощением истинной свободы духа. Она шла своим путем, находила любовь, затем без сожалений с ней прощалась. Ничто ее не останавливало. Даже две старшие дочери. Ничто, кроме Хлои. Только ради нее Фебе пришлось сделать относительную уступку традиционному образу жизни.

Отец Тары забрал дочь с собой, когда его отношения с Фебой окончательно испортились. Отец Мэдди так же поступил несколько лет спустя. О своем отце Хлоя не могла сказать ничего, поскольку никогда его не знала. Феба пресекала вопросы дочери заявлением, что она дар хорошо прожитой жизни.

Хлоя смотрела на Тихий океан, мятежную бездну темноты, встречавшуюся с сереющим небом. Всю перспективу обрамляли скалистые утесы, окутанные туманом, таинственные, захватывающие. Хлоя удивлялась своей любви к этому месту. Хотя у нее было много любимых мест, ни с одним из них она не чувствовала такого родства, как с Лаки-Харбором.

Услышав приближающиеся шаги, Хлоя инстинктивно выхватила ингалятор и резко повернулась.

Это был Сойер. Заметив ее готовность, он взглянул на ингалятор, который она держала в руке как пистолет.

– Собираешься подстрелить меня из этого?

Хлоя сунула ингалятор за пояс брюк.

– Что ты здесь делаешь?

Глупый вопрос, рожденный нервозностью. Судя по спортивным штанам, майке и тяжелому дыханию, он бегал, и Хлоя почувствовала страстное желание сделать то же самое. Но бег для нее – как переход улицы перед гоночной машиной – смертелен.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Конечно.

Она предпочла бы думать о нем как о полицейском, раздражающе властной личности. Так намного проще. Однако, нравилось ей это или нет, в Сойере больше человечности. Да, он упорный, непостижимый, не поддающийся воздействию. Но в его глазах сквозило явное беспокойство, когда он изучал ее раны после спасения собак. Не говоря уже о том, что он пренебрег буквой закона, не арестовав ее.

– Я всегда в порядке, – сказала Хлоя. – Расскажи, что случилось прошлой ночью на Орлином утесе.

Сойер ответил ей бесстрастным взглядом.

Итак, он больше раздражающий, чем интригующий. Полезно знать.

– Давай, шериф. Это все равно появится в Фейсбуке, так что можешь говорить.

Угроза не противоречила закону. Люсиль с одинаковым энтузиазмом руководила местной художественной галереей и вела страницу в Фейсбуке. Она рассказывала обо всех городских событиях, отмечая каждую интересную подробность. Фактически ее новости были самым популярным чтением у жителей Лаки-Харбора.

– Мы не обнаружили там никаких собак, – ответил Сойер.

Он собрался уйти, но Хлоя задала вопрос, который не давал ей покоя:

– Так почему ты остановился?

– Что?

– Почему ты не продолжил бег, когда увидел меня здесь?

Никакой реакции.

– Шериф Сойер Томпсон! Да ты просто мастер общения. Тогда я рискну предположить. Ты увидел меня, не смог передо мной устоять и остановился, чтобы...

– Чтобы?

– Это вопрос, не так ли? – уточнила Хлоя. – Думаю, мы не нравимся друг другу и не имеем ничего общего. Чем бы мы вместе занимались?

От этого взгляда ее соски вдруг превратились в две твердые бусины. Видимо, они могут заниматься многим. Прежде чем Хлоя представила это, он сделал шаг назад, как если бы уходил.

– Я тебя отпугиваю, – сказала она.

– Да, черт возьми, – признался Сойер, вызвав у нее смех.

Он не боялся. Ничто его не отпугивало. И, по правде говоря, бояться следовало ей. Несмотря на то что каждая их встреча напоминала крушение поезда, она хотела его.

Самое нелепое желание.

Он был жестким там, где она была гибкой. Он был черным и белым, а она радугой, и они совершенно не подходили друг другу. Однако ее тело игнорировало логику. Сойер был самым зрелым и дееспособным парнем, каких она встречала. Секс с ним стал бы настоящим фейерверком.

Тем не менее Хлоя понимала, что не готова для праймтайма с Сойером Томпсоном.

– Мне пора идти.

– А теперь кто испуган?

– Я должна вернуться в гостиницу.

Уже почти семь, ей необходимо опередить сестер. Прошлой ночью постояльцев не было, но Тара настаивала, чтобы кто-нибудь всегда дежурил.

Кем-нибудь, естественно, была Хлоя.

– Знаешь, что я думаю? – спросил Сойер.

– Понятия не имею.

– Я заставляю тебя нервничать.

– Ты не заставляешь меня нервничать.

Уже заставил. Отвернувшись, Хлоя попыталась сделать глубокий успокаивающий вдох. Океан перед ней – куда более расслабляющий вид, чем красивый воображала у нее за спиной. Однако для расслабления потребовалось несколько попыток, даже пришлось закрыть глаза. Когда и это не помогло, Хлоя добавила потягивание, круговые движения плечами, а затем поднятие рук.

Услышав во время растяжки одобрительный мужской возглас, она повернулась.

– Какую роль ты играешь сейчас? – тихо спросил Сойер, отведя взгляд от ее зада.

– Не думаю, что я играю роль, – так же тихо ответила Хлоя.

Он внимательно посмотрел на нее и шагнул навстречу. Хлоя вдруг почувствовала себя маленькой Красной Шапочкой перед громадным Серым Волком. Но отступать некуда, сзади ограда пирса, и она подняла голову, чтобы встретить его взгляд.

– Есть что-нибудь касающееся тебя и Ланса, о чем я должен знать?

– Нет. А зачем?

– Мне просто хотелось бы понять смысл кошачьего концерта прошлой ночью.

– Кошачьего концерта? Такое случается. Во время секса.

– Неужели? – удивился он. – Стоны, да. Вздохи? Определенно. Неприличный разговор?

О да. Но те устрашающие звуки, которые издавала ты, нет.

Он подошел еще ближе, а поскольку она не могла отступить, Сойер прижался к ней. Он был восхитительно теплым. Хлоя уперлась ладонью ему в грудь, потому что он занял ее личное пространство, и внезапно там не хватило воздуха.

– Это случается, – повторила она.

– Когда? – спросил он. – Когда это случается?

– Ну... в книгах.

– И что за книги ты читаешь, Хлоя?

– Эр... Не важно.

Да, она прочитала много романов, ну и что? Да, эротику тоже. Ничего плохого в этом нет, как в мечтах быть женщиной, которой хватает дыхания, чтобы кричать от страсти. И почему он вместо бега стоит здесь, дразня ее? И...

– Почему ты спросил о Лансе?

Долгую минуту он, размышляя, смотрел на нее.

– Значит, захотел.

Он без колебаний наклонил голову для поцелуя. Но хотя их губы почти встретились, Сойер держал ее в плену своего взгляда, пока она не закрыла глаза. Сначала прикосновение было совсем легким, потом уже не таким легким, а когда он завладел ее языком, Хлоя застыла. При этом звуке он углубил поцелуй.

И она растворилась в нем. Другого слова не подберешь: только что ее тело было здесь и вдруг исчезло. Потом так же быстро, как началось, все закончилось, и Хлоя с удивлением посмотрела на Сойера.

– Что... это было?

Он провел рукой по волосам, еще больше взъерошив их.

– Я не знаю. Ты свела меня с ума.

Именно это ей и хотелось услышать. Она воспользовалась ингалятором, и Сойер нахмурился.

– Идем, я провожу тебя.

– Я могу дойти сама.

Тут завибрировал ее мобильник, и, достав его из кармана, Хлоя взглянула на дисплей. Тодд. Время от времени он звонил ей с просьбой выйти, как он это называл. То есть выручить его из беды.

Может, она и заслужила в Лаки-Харборе репутацию необузданной, но глупой не была. Здесь всем известна кипевшая на медленном огне напряженность между Сойером и Тоддом, поэтому она не собиралась превращать тлеющий огонь в пламя. Выключив мобильник, Хлоя сунула его в карман.

– Проблемы? – спросил Сойер.

– Нет.

Он больше не сказал ни слова, но упрямо шагнул рядом с ней до самой гостиницы, а потом ждал, пока она поднимется по лестнице. У входной двери она оглянулась на него и совершила ошибку. Сойер выглядел опасным и более соблазнительным, чем грех.

– Я попробую сделать вид, будто ничего не случилось. Я про поцелуй, – объяснила Хлоя.

– Ты можешь?

Ее соски были еще твердыми, и она засомневалась.

– Это не имеет значения. Фактически мы провели эксперимент, который не превратится у нас в систему. Верно?

– Да.

Ни секунды колебания.

– Вот и хорошо, – заключила она, вскинув подбородок.

Сойер повернулся и побежал в обратном направлении. Хлоя следила за ним, пока он не исчез из виду, затем опустилась на верхнюю ступеньку лестницы. Совершенно расстроенная. Потому что два человека, превыше всего ценившие правду, сейчас лгали, делая из себя дураков.

Глава 5

Войдя в гостиницу, Хлоя столкнулась с раздраженной Тарой.

– Где ты была?

– На прогулке, – ответила Хлоя, умолчав о шерифе. – А что?

– А то, что ты, как предполагалось, должна была находиться здесь.

– Я ушла всего на час до рассвета. У нас ведь нет постояльцев.

– Целая семья, ехавшая всю ночь, собралась здесь остановиться, а ты гуляла.

– Значит, ты вовремя их перехватила.

– Они не остались, – вздохнула Тара. – Сказали, что не могут чувствовать себя комфортно в пустой гостинице.

– Черт. Прости, я...

Тара подняла руку.

– Если это слишком много, дорогая, так и скажи. Ты не можешь притворяться, что справишься.

– Это не слишком много. – Черт возьми. Хлоя проглотила желание занять оборонительную позицию. – Я исправлюсь.

Тара кивнула и направилась в кухню, оставив ее бороться с этим обещанием.

Несколько дней спустя, закончив дежурство, Сойер отправился выполнять поручения из своего списка срочных дел, несмотря на то что последние двенадцать часов участвовал в спецоперации Управления по борьбе с наркотиками. Под руководством агента Рида Морриса они выследили и уничтожили известного наркодилера, который скрывался от полиции в Ольховой низине, самом труднодоступном месте на границе округа. Хотя они должны были взять Рика Алонсо живым и сделали для этого все возможное, операция провалилась.

Сейчас Рик лежал на цинковом столе в морге, а Сойер думал о том, правильно ли выбрал профессию. Он не в первый раз видел смертельный исход, возможно, и не в последний.

Должно быть, Рику лет девятнадцать.

В этом возрасте Сойер не был наркодилером, хотя быстро шел по пути к тому, чтобы стать преступником. Так что определяет жизнь человека? Характер или решимость? Упорная работа? Карма? Слишком глубокий для него вопрос, когда он предпочел бы сейчас лететь по воде на катере или нежиться на теплом берегу с женщиной в символическом бикини.

Увы, сегодня не его день. Быстро перекусив, Сойер направился к центру города, к кварталу домов типа ранчо, построенных в семидесятых годах. Большинство из них отремонтировали и восстановили. Он свернул на подъездную дорожку перед ветхим строением. Дверные пружины гаража вышли из строя. Владелец утверждал, что у него есть парень, который об этом заботится, хотя его сын много раз предлагал ему свою помощь.

Следующие полчаса Сойер провел за починкой двери, несмотря на то что благодарности он, естественно, не дожидается. Трава опять разрослась. Он отправился на поиски древней газонокосилки, которую обнаружил за домом, и привел в порядок газон и задний двор. А поскольку работы больше не было, вернулся к входной двери.

На пороге стоял его отец, Нолан Томпсон, сегодня одетый. Явный прогресс по сравнению с прошлым разом, когда он встретил Сойера в нижнем белье.

– Я говорил тебе, что нанял мальчишку делать все это! – прорычал он тем же низким, хриплым голосом, который в свое время так ужасал Сойера. До тех пор, пока он вдруг не осознал, что больше и сильнее отца. И вместо того чтобы принять его обращение за какой-нибудь глупый недостаток, Сойер оттолкнул его.

Ему было шестнадцать. После этого оба хранили молчание до последнего года жизни Сойера дома. Контактывали они редко и холодно, однако свой двадцать пятый день рождения он провел рядом с отцом в больнице, когда у Нолана случился первый сердечный приступ. Это было десять лет назад. Их встречи остались такими же молчаливыми, только к ним прибавились еще два приступа и несвойственная отцу моральная неустойчивость, которую Сойер ненавидел. Потому что каждый раз, глядя на него, чувствовал жалость и вину, а любые эмоции он терпеть не мог. Сойер оглядел двор.

– Ну и где этот образец добродетели, которого ты нанял?

– Он будет здесь.

– Ага.

– Если он сказал, что придет, значит, придет. Он появляется вовремя, не выступает передо мной и не грабит меня.

Однажды Сойер действительно украл у отца несколько вещей. Господи, тогда он был двенадцатилетним идиотом. Однако отец помнил до сих пор.

Да, Сойер был испорченным до мозга костей ребенком и еще худшим подростком. Боже, сколько ему потребовалось усилий, чтобы избавиться от своей глупости и стать человеком, который может чего-то стоить.

Однако для Нолана время остановилось.

– Дверь гаража починена, так что можешь опять там парковаться. И нужно полить траву.

Очередной рык был, видимо, знаком одобрения, хотя вряд ли относящимся к Сойеру. Тот заглянул в дом. Никого. Похоже, нанятая им домработница не вынесла дурной характер Нолана. Кроме того, женщина покупала еще и продукты, а отец наверняка ел всякую гадость, не подходящую для прописанной ему диеты.

– Салли не приходила на этой неделе?

– Ее нет в городе.

Проклятие! Сойер прошел мимо отца в дом, чтобы проверить холодильник. Почти пусто. Достав из бумажника несколько купюр, он положил их на кухонный стол и хотел выйти. Отец преградил ему дорогу. В глазах у него был гнев и что-то еще.

Стыд.

– Я вернусь завтра с продуктами, а также привезу кого-нибудь для уборки.

– Не стоит беспокоиться. У меня есть парень.

– Отлично.

– Отлично, – процедил Нолан, потом неловко умолк. – В общем, я... меня ждет вторая операция на сосудах.

– Когда? – У Сойера замерло сердце.

– В пятницу.

– Я буду там.

– Это же плевое дело. Ничего страшного.

– Я там буду, черт возьми.

Сойер уехал с отвратительным чувством. Как всегда. Теперь, чтобы взбодриться, ему требовался кофеин. Припарковавшись у магазина, он закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

Нет, сейчас ему требовалось нечто другое, а не кофеин. Горячий душ и страстная женщина могли...

Выстрел прервал его размышления. Стекло, разбившееся вдребезги, затем топот убежавшего человека не сулили ничего хорошего. Сойер уже выпрямился, когда из магазина выскочил парень, крепко прижимавший свитер к телу, словно что-то защищая.

Когда он пробежал мимо, из-под свитера вылетел кусок бумаги.

Именно такой встряски ему и не хватало, подумал Сойер, увидев ее цвет. Деньги.

Парень тем временем прыгнул в разбитую машину и рванул с места.

Проклятие! Сойер включил газ, уже на ходу сообщив по телефону, что преследует грабителя. Паршивый седан перед ним свернул в конце города направо, очевидно, направляясь к открытому шоссе. У въезда на скоростную автостраду с транспортными развязками подозреваемый обогнал два медлительных фургона и помчался дальше. Значит, его целью был маленький спокойный округ с домами среднего размера, трудолюбивыми жителями и детьми. Множеством детей.

Сойер опять выругался и, следуя за седаном, одновременно сообщал по телефону свои координаты. К счастью, в середине рабочего и учебного дня улицы были относительно пустыми.

Резко свернув за угол, седан подлетел на бордюрном камне и едва не опрокинулся, правые покрышки лопнули, он потерял скорость, а потом вообще заглох.

– Стоять! – приказал Сойер, остановившись позади седана.

Он ненавидел пешие погони. Но подозреваемый, естественно, бросил свою машину и побежал.

Черт! Схватив запасную пару наручников и сунув их в задний карман джинсов, Сойер выскочил на тротуар.

– Стоять! – крикнул он снова. – Полиция.

Подозреваемый не остановился. Сойер последовал за ним с легкостью, которую приобрел на ежедневных пятимильных пробежках. Он бегал в любую погоду не ради удовольствия, а чтобы не упускать придурков вроде этого. Он гнался за ним через двор, прыгал через изгородь, мчался по улице, крича любопытным «прочь с дороги», затем продирался сквозь какие-то заросли. Сократив расстояние, он схватил парня за свитер, и оба рухнули на землю.

Приземление получилось жестким, подозреваемый лежал на спине, безвольный как тряпичная кукла. Прекрасно, нечего сказать. Он убил его.

Однако парень застонал, и Сойер обрадовался. Меньше бумажной работы, если нарушитель жив. Придавив его коленом, он потянулся за наручниками.

– Так что это было?

Подозреваемый тряхнул головой.

– No comprendo ingles¹.

No problem². Сойер кое-что знал по-испански. Он мог сказать «дай мне пиво», «брось оружие, придурок» и, к счастью для этого идиота, мог также зачитать ему права.

Потребовалось еще два часа и уйма писанины, прежде чем Сойер наконец освобожден. Но всплеск адреналина все еще требовал выхода, поэтому за неимением лучшего способа успокоиться Сойер направился в гимнастический зал.

Несколько раз в неделю он встречался там со своим другом Мэттом Бауэром – окружным лесничим и своим спарринг-партнером.

– Ты мог бы попытаться сделать это с кем-нибудь, кто даст тебе отпор, – заметил Сойер, наблюдая, как Мэтт бьет кулаками по боксерской груше.

Тот повернулся и окинул его взглядом.

– Мне больше подходит груша. Ты выглядишь слабым, Томпсон.

Сойер улыбнулся. Оба знали, что он всегда в отличной боевой форме. Мэтт ответил ему улыбкой. Он был одним из немногих в Лаки-Харборе, кого не пугали габариты шерифа.

¹ Не понимаю по-английски (исп.).

² Не проблема (англ.).

И не без оснований, поскольку Мэтт – бывший коп из Чикаго, а такого парня ничем не прошибешь.

– Неудачный день?

– Да. Я сломал ноготь.

Мэтт ухмыльнулся:

– Баба!

Следующие тридцать минут они безжалостно выбивали друг у друга победу, но в конце концов растянулись на мате, лоя воздух.

– Хочешь рассказать мне о своем геморрое? – спросил Мэтт, когда немного оправился.

– Не хочу, – прохрипел Сойер, изучая потолок и дожидаясь, пока стихнет шум в ушах.

– Я уверен, это не женщина. У тебя ее нет. Ты всех распугал.

– Отстань от меня.

– Ты не в моем вкусе, приятель, – хихикнул Мэтт. – Я люблю отзывчивых и красивых. Значит, работа?

Это его жизнь, подумал Сойер.

– Я бы выбил из тебя больше, только уже не чувствую ног.

– Ну и кто из нас баба?

Фыркнув, Мэтт сумел встать.

– Пойду-ка я в душ.

Сойер лежал еще пару минут. Избыток адреналина и энергии он израсходовал, тело расслабилось. Теперь бы найти силы, чтобы встать. Сжимая болевшие ребра, он с трудом поднялся и увидел перед собой Хлою.

Она была одета для тренировки: в черные короткие штаны и желтое спортивное бра, – но Сойера остановило не это.

– Тебе дали пинка под зад, шериф.

– Черта с два.

– Не знаю. – Хлоя подняла голову, чтобы взглянуть на него. – По крайней мере твой разгоряченный друг встал на ноги с большей легкостью, чем ты.

– Разгоряченный?

– Хм... У тебя кровоточит губа.

– Я в порядке, – ответил Сойер, вытирая кровь.

– Хорошо, – с сомнением произнесла Хлоя. – Если ты уверен...

Боже. Минуту назад он не представлял, как отволочь себя в душ, а теперь сел на скамью для жима и потянулся за гирями. Хлоя подняла бровь, но, молча вставив наушники, села на другую скамью к нему спиной.

– А твоя астма?

– Это же не сердце. Все нормально, когда я двигаюсь медленно.

Она начала работать предплечьями – движение, придававшее ее упругому, изогнутому телу какой-то непостижимый ритм. Конский хвост великолепных рыжих волос раскачивался туда-сюда, но плечи оставались прямыми, а мускулы спины – гладкими и женственными. У нее был самый красивый зад, какие Сойер видел. Наверняка в этом зале имелись и другие привлекательные попки, но Хлоя была перед ним, притягивая его взгляд. Он пытался увидеть как можно больше, и она застала его врасплох, когда повернула голову.

Сойер моментально поднял гири. К счастью, руки подчинились ему, и он избежал полного унижения.

Хлоя внимательно смотрела на него, и в ее взгляде было что-то новое, что-то опасное, роковое, темное. Молчаливый призыв, разбудивший такую же опасную, роковую часть его, которую он давно обменял на другой образ жизни. Сойер опять поднял гири. Он бы наверняка размозжил себе голову, если б его не остановили две больших руки.

Мэтт.

Друг с ухмылкой забрал у него гири.

– Вот так, – покровительственно сказал он. – Теперь можешь и дальше рисоваться перед красивой леди.

Мэтт подмигнул Хлое.

Та ответила ему улыбкой.

А Сойер с удовольствием швырнул бы друга на пол, если б мог.

Глава 6

*Возможно, твоя единственная цель в жизни – просто служить
предостережением другим.*

Хлоя Трегер

Хлоя любила деловые путешествия, встречи с новыми людьми, переезды с места на место. Это было напоминанием о вольной цыганской жизни, проведенной с Фебой.

Но теперь есть Лаки-Харбор, ее сестры, и, несмотря на их различия, она довольна. Несколько месяцев Хлоя пыталась выяснить почему, и вот сейчас, сидя в кухне гостиницы и смешивая авокадо с майонезом, наконец поняла.

Впервые в жизни у нее появилась как бы домашняя база. Это было совершенно новым ощущением, и, честно говоря, оно не вызывало боязни замкнутого пространства. И все же Хлоя вела борьбу с собой.

К счастью, она не могла тратить время на размышления. Сегодня ей следовало приготовить косметическое средство для бутика отеля в Портленде, а так как она все делала из натуральных продуктов, ее ждала масса работы.

– Пахнет... интересно, – сказала Тара.

Она была старшей и обладала львиной долей невозмутимости и не меньшей аккуратностью. Хотя Тара уже приготовила завтрак для ночных постояльцев, ни один волосок не выбился у нее из прически, на белой крахмальной блузке и красивых черных брюках не осталось ни крошки, ни пятнышка. А как сестра ухитрялась готовить и обслуживать посетителей в обуви на таких высоких каблуках, вообще было выше понимания Хлои, носившей только удобную практичную одежду и балетки.

– Как ты можешь все время оставаться такой чистой?

Тара улыбнулась.

– Я не смешиваю кучу... – она заглянула в чашку Хлои, – вонючих зеленых овощей для прихотливых клиентов.

– Это кондиционер для волос. Он из авокадо и майонеза и совсем не вонючий. А действует лучше твоего кондиционера за пятьдесят долларов.

– Авокадо и майо? – Южный акцент Тары был едва различимым и прелестным, когда ее что-то забавляло. – Твои модные клиенты собираются втирать это в свои волосы?

– Здесь только натуральные продукты, насыщенные всеми полезными жирами. Людям это нравится.

– А знаешь, что нравится мне, дорогая? Помощь с грязной посудой.

Это по крайней мере не уборка туалетов, успокоила себя Хлоя, что ей приходилось делать неоднократно.

– Я скучаю по Миа, – сказала она.

Тара улыбнулась при упоминании о дочери, которую родила совсем еще юной.

– Я тоже скучаю по ней.

Прошлым летом Миа работала в гостинице, помогая с уборкой и давая Хлое желанную передышку. Но теперь она по культурному обмену в Испании, заканчивает последний год средней школы.

Поставив чашку, Хлоя налила в раковину горячей воды и была уже на полпути к горе кухонной утвари, когда вошла Мэдди с целым подносом грязной посуды, которую, видимо, забрала из комнат постояльцев, и всю ее, мило улыбаясь, она поставила в раковину.

Черт побери! Хлоя добавила горячей воды и мыла.

– Я почти использовала маску для лица, которую ты мне сделала. Ту, с клубникой, овсянкой и медом. Я могу получить еще?

– Конечно. Тебе понравился запах? Потому что можно смешать клубнику с...

– Не меняй ничего. Джекс утверждает, что она делает меня сияющей.

Тара и Хлоя переглянулись. Какой бы полезной ни была маска, вряд ли Мэдди сияла из-за нее.

Это действие секса.

Мэдди с любопытством заглянула в чашку, помешала кондиционер ложкой, понюхала.

– Можно попробовать? – Она схватила кусок хлеба и зачерпнула средство.

– Хлоя, не позволяй сестре есть кондиционер для волос, – сказала Тара, занимаясь омлетом.

– Кондиционер? – Мэдди швырнула в Хлою куском хлеба.

Та со смехом увернулась.

– Это просто авокадо и майонез. Тебе кондиционер тоже необходим. Он решит проблему твоих кудрей.

Рука Мэдди скользнула по волосам, густым, непослушным и, увы, курчавым.

– Рубашка у тебя опять наизнанку, – заметила Хлоя. – Ты до сих пор одеваешься в темноте или что?

Именно это Мэдди пыталась сказать им на прошлой неделе, когда явилась в гостиницу раскрасневшаяся, с растрепанными волосами, надев рубашку наизнанку.

Мэдди поспешно сбросила ее, чтобы вывернуть на лицевую сторону, продемонстрировав розовый лифчик и засос на ключице.

– Ну, Джекс, – засмеялась Хлоя.

– Он не... Мы не... О, не обращайтесь внимания. – Мэдди прижала руки к щекам. – Это я набросилась на него по дороге сюда.

– Во время движения? – ужаснулась Тара.

– Мы... подъехали к краю дороги. Знаете, мне всегда хочется проглотить его. Вы думаете, это пройдет?

– Не знаю, – ответила Хлоя. – Но ради тебя надеюсь, что нет.

До приезда в Лаки-Харбор неудачный опыт с бывшим мужем полностью оттолкнул сестру от мужчин. Потом она встретила Джекса, который своим терпением вкупе с дружелюбием и уступчивостью заставил Мэдди выбраться из ее раковины. Теперь они хотят пожениться.

А учитывая долгую, страстную любовь Тары и Форда, те скоро тоже последуют к алтарю.

Для них это замечательно. Но Хлоя сомневалась, что все это подходит ей.

– И ты найдешь ее, – тихо сказала Мэдди. – Любовь.

– Нет. Мне не требуется...

– Еще потребуется. – Мэдди обняла сестру. – Может, тогда ты хоть немного остепенишься.

В том-то и проблема. Настоящая проблема. Чтобы получить одобрение, которого Хлоя так страстно желала, ей нужно «остепениться», перестать быть собой. Повзрослеть. Не позволять сестре есть кондиционер для волос... Но, черт побери, разве она не взяла на себя часть ответственности за это место? Разве не сократила до одного дня свои поездки, чтобы помогать в гостинице?

Она делала все, что от нее требовали. Видимо, этого недостаточно. Почувствовав тяжесть в груди, которая могла быть тревогой или наступающим приступом астмы, Хлоя достала ингалятор.

– Уже? – с некоторым беспокойством спросила Мэдди.

Хлоя пожала плечами. Каждая из них снимала стресс по-своему. Мэдди поглощала картофельные чипсы. Тара готовила еду. Хлоя использовала свой ингалятор.

– Возможно, я не хочу остепеняться.

– В конце концов все так делают.

– Это не для меня.

Не глядя на сестер, Хлоя опустила посуду в горячую мыльную воду и стала думать о хорошем. О щенках, радуге, шоколаде. О парнях.

Да, мысли о парнях всегда были приятным отвлечением внимания. Она подумала о сексуальном Мэтте Бауэре, которого видела в тренажерном зале.

Потом вспомнила доктора Джоша Скотта, с которым познакомилась во время особенно тяжелого приступа астмы. После этого он несколько раз назначал ей свидание, однако Хлоя была слишком занята, совмещая поездки с работой в гостинице. Может, когда-нибудь им удастся согласовать свои графики.

Имени Симпатяги она не знала. Он стал новым жителем Лаки-Харбора, поселившись в доме на утесах, весьма дорогом. Кто он такой или чем занимается, не смогли пока выяснить даже специалисты Фейсбука. Хлоя видела Симпатягу в бакалейно-гастрономическом магазине, и он показался ей возбуждающим.

Когда она домывала последнюю кастрюлю, ее мысли занимал уже совсем другой человек, которого она всегда игнорировала. До их поцелуя. Теперь он не выходил у нее из головы.

– Чертов шериф, – пробормотала она.

– Сойер? – спросила Тара.

– Не Сойер. Я хочу Мэтта. Или Джоша. Или Симпатягу. Даже Андерсона из хозяйственного магазина. Только не шерифа, благодарю покорно.

За этим последовала такая неловкая тишина, что Хлоя, почувствовав неладное, обернулась и увидела Сойера, безмолвно стоявшего у задней двери.

На пару секунд все затаили дыхание.

– Ничего личного, – сказала ему Хлоя со всем достоинством, какое могла собрать.

Черт возьми, да она стала бы последней женщиной на земле, которую он выбрал. Но потом она снова вспомнила его страстный, жадный поцелуй и внезапно почувствовала желание.

Ладно, хватит об этом. Ей надо подумать. Лучше в полном одиночестве, где-нибудь на вершине горы. Что надо Сойеру, трудно сказать. Он превращался в каменный утес, когда хотел.

Тара протянула ему кружку.

– Полагаю, сегодня утром ты хотел бы остановиться в кафе, а? – насмешливо спросила она, пытаясь ослабить напряжение.

– Не могу заходить туда в форме, – ответил Сойер.

– Почему нет?

– Иногда люди плюют в еду или напитки при виде копа.

Хлоя выключила воду и посмотрела на него.

– Тогда зачем тебе это? Быть копом и сносить подобное обращение?

– Ты имеешь в виду, помимо гордости? – сухо произнес он, затем пожал плечами. – Я люблю свою работу.

Хлоя знала это. Сойер был чертовски решительным и настойчивым, что делало его грозой преступного мира. Вероятно, он столь же хорош и в постели.

Сойер заглянул в чашку с авокадо-майонезной смесью.

– Что это?

– Не пробуй, – быстро предупредила Мэдди.

– Это кондиционер для курчавых волос, – объяснила ему Тара.

Все посмотрели на его густые светло-каштановые волосы. Никаких кудрей.

– Думаю, я вполне обойдусь без него.

– У тебя сухая кожа. – Хлоя кивнула на флакон рядом с кондиционером. – Это решит твою проблему. Если, конечно, не боишься, что я хочу тебя отравить...

Сойер взял флакон, казавшийся в его руке маленьким и женским, потом осторожно, как будто держал бомбу, открыл крышку и понюхал.

– Запах цветочный.

– Он угрожает твоей мужественности? – спросила Хлоя.

Тара собралась возразить, но Сойер вдруг засмеялся. Чуть хрипло, словно давно не имел повода для смеха.

– Применяй два раза в день, – посоветовала Хлоя. – И вскоре ты засияешь. Как Мэдди. Похоже, он хотел высказаться насчет «сияния» Мэдди, но воздержался. Ловкий парень.

– Мне известно, что у тебя случилось, – вмешалась Тара. – Ты в порядке?

– Да, – ответил Сойер. – Это вторая операция на сосудах. Он поправится.

– Я имела в виду работу. А у кого операция?

Сойер вздохнул.

– У моего отца. Ничего пугающего. Он слишком отвратителен, чтобы позволить сердечной болезни сломить его.

– Расскажи нам о грабителе, – попросила Мэдди.

– Что за грабитель? – удивилась Хлоя, взглянув на шерифа, который спокойно пил кофе.

– Сойер без посторонней помощи схватил парня, ограбившего продуктовый магазин, – ответила ей Тара. – Разве ты не знаешь? Об этом писали во всех газетах. Сойер остановился у магазина, когда оттуда выскочил вор. Пока он бежал, деньги падали у него из карманов. Сойер преследовал его на машине, а затем пешком, не доставая оружие, чтобы по вине грабителя не пострадали невинные люди. Только библиотекарь сломала лодыжку.

– Мисс Бэньон? – охнула Хлоя.

– Да. Наконец Сойер вытащил пистолет и несколько раз выстрелил. К тому времени как прибыла остальная кавалерия, Сойер уже схватил парня и надел на него наручники.

Хлоя опять посмотрела на шерифа. Он выглядел слегка раздосадованным.

– Это правда?

– Нет. Мисс Бэньон сломала лодыжку, когда выбегала из своего дома. Вместо того чтобы глядеть себе под ноги, она снимала на мобильник видео для Интернета.

– Значит, все так и было, да? – уточнила Мэдди. – И выстрелы?

– Никаких выстрелов, – ответил Сойер.

– Черт, версия Тары мне нравится больше.

Хлое это вообще не нравилось. Хорошо, что не стреляли, но погоня, захват, наручники оставались... Зная, насколько опасной может быть работа Сойера, она удивлялась той легкости, с какой он делал все это изо дня в день.

– Ты в порядке? – спросила она.

Сойер посмотрел на нее. Он всегда в порядке. А если и нет, никто этого не узнает, потому что он держит свои эмоции при себе. Внезапно Хлое пришла в голову мысль, что у нее с Сойером больше общего, чем она предполагала.

– Как утверждает пресса, этот парень был в процессе развода и просто свихнулся, – объяснила Тара. – Бывшая жена делает его полным банкротом, и он хотел украсть деньги, чтобы оплатить своих адвокатов.

Сойер молча кивнул.

– Вчера о тебе говорил весь город, – добавила Мэдди. – Ты наш герой.

Она усмехнулась, когда Сойер поморщился.

– Но это не все, чем ты прославился вчера, – продолжала Тара. – Еще тебя вызвали в дом миссис Эбботт.

– И напрасно.

– Не скажи, – возразила Мэдди.

– А что произошло? – спросила Хлоя. – Миссис Эбботт здорова?

– Она прекрасно себя чувствует, – ответил Сойер.

– Только потому, что ты прискакал на своем белом коне, чтобы спасти положение. – Мэдди повернулась к Хлое. – У нее сработала дымовая сигнализация, и раньше всех приехал Сойер.

– О нет, – искренне огорчилась Хлоя.

Старая женщина была ее любимицей. Хлоя делала для нее специальное увлажняющее средство, единственное, что помогало той облегчать симптомы псориаза. Они пили чай, и миссис Эбботт развлекала ее рассказами о своей бурной юности.

– У нее возник пожар?

– Нет, ложная тревога. – И Сойер направился к двери.

Хлоя взглянула на сестру.

– Пожара не было, – заверила ее Мэдди. – Однако через двадцать минут сигнализация опять сработала. Затем еще, и Сойер каждый раз приезжал.

Тот со вздохом остановился.

– Еще раз, а не дважды.

– Пожалуй, я начну читать Фейсбук, – сказала Хлоя. – А что было не в порядке?

Мэдди усмехнулась:

– Требовался новый аккумулятор. Сойер пошел в магазин, купил миссис Эбботт аккумулятор и заменил его. Так мило.

Сойер выглядел обиженным.

– Не мило, а необходимо. Я устал выезжать туда.

– Мило, – повторила Мэдди.

Хлоя фыркнула. Сойер большой и скверный, великолепный и ловкий, смелый и преданный. Но только, черт возьми, не милый.

– Все в порядке, – заверила Тара, похлопав его по плечу. – Мы сохраним твой секрет.

– Как бы не так, – проворчал Сойер. – Вы расскажете Джексу и Форду, а Джекс, словно девочка, растреплет... всем.

– Ну и что тогда случится? – поинтересовалась Хлоя. – Они перестанут считать тебя мужчиной?

Под смех Тары и Мэдди, пробормотав что-то нелестное о женской половине человечества, Сойер вышел.

Глава 7

Всегда помни, что ты уникальна. Как и все другие.
Хлоя Трегер

Утро Сойер провел в больнице, чтобы узнать, как прошла операция Нолана. По телевизору показывали какую-то «мыльную оперу», и за неимением другого занятия он тупо пялился на экран. Прождав два часа, он уже готов был взорваться, но тут появилась Хлоя и села рядом.

– «Все мои дети»? – удивилась она. – Не думала, что тебе нравится подобная чушь.

– Я это не смотрю.

Хлоя с подчеркнутым вниманием оглядела комнату, где не было никого, кроме Сойера. Он поморщился.

– А ты что здесь делаешь?

Она протянула ему сумку.

– Доставляю тебе горячие булочки от Тары. Бананово-шоколадные. Сестра убеждена, что они решат проблему твоего завтрака.

Понятно. Тара прислала Хлою сюда как добрую самаритянку. В пакете обнаружилось четыре булочки. Одну Сойер протянул ей, остальные три прикончил сам.

– Разве это честный дележ? – спросила Хлоя.

– Соответствующий весовой категории.

Ее взгляд скользнул по его телу. Сойеру даже показалось, что она сглотнула. Но Хлоя молча доела свою порцию и воскликнула:

– О! Чуть не забыла! – Она вытащила из сумки термос. – Молоко.

Сойер предложил ей, а когда она покачала головой, моментально разделался с ним.

– Теперь лучше? – Он кивнул, и Хлоя засмеялась. – Не жалею слов, шериф.

Откинувшись на спинку неудобного стула, Хлоя вытянула ноги и скрестила их в лодыжках.

– Думаю, можно выбрать один из двух путей. Неловкое молчание, или я могу рассказывать, а ты слушать.

– Или ты можешь уйти, – подсказал он.

– Да, но мне интересней остаться и приводить тебя в смущение.

– Ты не смутишь меня.

– Я сделаю что-нибудь еще. К твоим услугам целый ассортимент эмоций.

Да, она так и сделает, черт возьми. В этом он не сомневался.

– Досада? – предложил Сойер. – Раздражение? Гнев? Расстройство?

– Сексуальное возбуждение.

Он покачал головой, хотя знал, что она не ошиблась.

– Выбор номер два.

– Раздражение? – спросила Хлоя.

– Нет. Ты рассказываешь.

Хлоя засмеялась, потом рассказала о своей поездке в Белиз, где сделала маленькую татуировку на внутренней стороне запястья, означающую «будь собой».

– Тара уверена, что я вообще не способна к корпоративной работе, поскольку для этого требуется определенное местонахождение. Возможно, ей стоило бы увидеть мою другую тату, но она в таком месте... – Хлоя улыбнулась.

Сойер тоже с удовольствием бы посмотрел, что это и где находится.

– Разве ты хочешь найти корпоративную работу? – Он не мог представить ее покорно сидящей в офисе.

Хлоя засмеялась.

– Сидеть целый день за письменным столом, дожидаясь у моря погоды? Нет, это не мое.

– А что твое?

Вопрос явно удивил Хлою.

– Я люблю создавать натуральные препараты для ухода за кожей.

– Звучит... очень корпоративно.

– Придержи язык, – велела она, и Сойер улыбнулся. – Здорово, делай так почаще.

– И тебе нравится твое занятие.

– Да. Это ведь главное?

Сойер открыл было рот, однако ограничился кивком.

– Ты всегда знала, что хочешь делать?

– Конечно. В детстве я все время путешествовала с мамой. Тебе это известно?

Сойер покачал головой. Он мало знал о ее прошлом, однако, помня Фебу, не мог сказать, что Хлоя копия своей матери.

– Тара и Мэдди жили у своих отцов, а я осталась с Фебой. По большей части мы путешествовали от одной ее закончившейся любви к следующей. Иногда на время останавливались для новой авантюры. Но мои собственные вещи всегда лежали в маленьком рюкзаке – «на всякий случай».

– Тяжелое испытание для маленькой девочки, – вздохнул Сойер. У него в детстве был хотя бы дом, пусть убогий и несчастный.

– О, мне это нравилось, – призналась Хлоя. – Думаю, мы были очень бедны, но я этого не понимала. Когда могли, мы делали шампуни, мыло, лекарственные средства. Я любила изучать, какие запахи совместимы с разными ингредиентами.

Да, Хлоя наилучшим образом использовала сданные карты. Но кочевая жизнь сурова. Сойер даже не мог представить, что случилось бы с ним без Форда и Джекса, которые дали ему ощущение стабильности. А после ареста он нашел поддержку в лице арестовавшего его полицейского и других людей. Шериф Алан Кобурн был первым взрослым, который выказал к нему интерес. Он вразумлял Сойера, еженедельно проверял его, пока не умер несколько лет назад.

Не похоже, чтобы у Хлои было ощущение стабильности, по крайней мере до этого года.

– Как же ты училась? С кем дружила?

– По большей части меня обучала Феба. Некоторое время мы провели в Сан-Франциско, где жил ее бойфренд, рабочий сцены. Там я ходила в школу.

– Ты и твоя мама жили вместе с ее бойфрендом?

– Нет, он жил в своем вагончике на участке при театре. Мы остановились там же. – Хлоя пожала плечами. – Друзей я заводила везде, где мы бывали. Хотя сейчас, имея дом, это намного легче.

Значит, сестры и гостиница стали ее первым настоящим домом, с горечью подумал Сойер.

– Ну а ты? – спросила она.

– Что я?

– Ты вырос здесь, в Лаки-Харборе?

– Да.

Хлоя смотрела на него, терпеливо дожидаясь продолжения.

– Давай, шериф. Расскажи что-нибудь. Есть ли у тебя татуировки? Детские проказы из школьной жизни?

– У нас договор, что рассказываешь ты, а я слушаю.

Хлоя покачала головой:

– Не понимаю, как в городе, любящем сплетни больше, чем универсальный магазин с ценами ниже средних, никто не судачит о тебе. Фактически люди по доброте душевной защищают своего большого гадкого шерифа. Или ты просто всем до смерти надоел?

Сойер еще смеялся, когда вышел хирург. Внезапно он снова помрачнел и встал с кресла, предполагая худшее. Но доктор заверил его, что все в порядке, и Сойер с облегчением сел. Хотя непонятно, почему он должен волноваться. Нолан Томпсон давно уже отказался от сына, и вряд ли ситуацию изменит операция на сосудах. Пожалуй, если только замена сердца...

Хлоя обняла его и положила голову ему на плечо. Она молчала. Еще одна неожиданность. Она всегда была в постоянном действии, всегда так старалась припереть его к стенке. Или вообще не старалась – может, это было для нее проще простого.

Но сейчас она тут. Ради него. Мягкая, теплая, заботливая. Что она все-таки здесь делает? И почему это кажется чертовски правильным? Не в силах больше сопротивляться, Сойер притянул ее ближе. Только на момент, говорил он себе, уткнувшись лицом в ее приятно пахнущие волосы и впитывая покой, который она предлагала.

Наконец оба встали. Хлоя заглянула ему в лицо, удовлетворенно кивнула и, поднявшись на цыпочки, поцеловала в подбородок. Затем, столь же таинственно, как и появилась, исчезла, оставив после себя какую-то странную пустоту.

Утром шел снег, всего несколько минут, но этого хватило, чтобы создать неразбериху на дорогах. Сойер носился по вызовам. Дважды регулировал движение на автостраде, два раза его чуть не протаранили какие-то идиоты, превысившие скорость в таких погодных условиях.

Однако самым печальным стал его последний вызов – авария со смертельным исходом. Пьяный двенадцатилетний пацан врезался на машине в дерево.

Однажды, много лет назад, Сойера едва не постигла та же участь. Хотя он той ночью и не сидел за рулем, но был настолько же пьян, как и водитель, когда они врезались в столб. Он едва выжил и с тех пор радовался, что несчастный случай вправил ему мозги.

После адского дня Сойер в подавленном настроении, продрогший, добрался ночью до бара «Любимая хижина», принадлежавшего Джексу и Форду.

Он был уже в нескольких шагах от входной двери, когда оттуда вышел Тодд. Увидев его, парень злобно прищурился, однако Сойер ответил ему бесстрастным взглядом. Тодд пробормотал что-то невразумительное, грубо оттолкнул его в сторону и пошел дальше.

Сойер чуть не бросился за ним, готовый к драке, которая вполне соответствовала его настроению. Но здравый смысл победил, и он вошел в бар, надеясь согреться.

«Любимая хижина» напоминала старый ковбойский салун с бесстыдными, как в публичном доме, красными обоями на стенах, с деревянными балками под самым потолком, откуда свисали фонари. Щербатые деревянные столы были заняты шумными посетителями.

Сойер прошел через бар прямо в офис Форда, где, сняв форму, надел штатскую одежду. Потом запер свой пояс и большую часть оружия в ящик, который специально для него держали друзья, и вернулся в бар.

– Черт меня побери, если это не наш местный герой, – заметил Форд, налив ему содовой.

– Заткнись. Лучше открой вон то пиво.

Форд поднял бровь и толкнул к нему бутылку высшего сорта.

– Поганный день?

– Поганный день. – Сделав большой глоток, Сойер опять вспомнил невидящие глаза пацана, лежавшего на асфальте в тридцати футах от дерева, куда его выбросило из машины.

Пять минут спустя из кладовой выпорхнула Мэдди, слегка взъерошенная. Следовательно, где-то поблизости вертелся и Джекс. Она улыбнулась и налила себе воды со льдом, пока Форд разговаривал с одним из официантов.

– Закажи для шерифа рыбу с жареным картофелем. – Он повернулся к другу. – Что-нибудь еще?

Все знали, что Сойер ел как шофер-дальнобойщик. Однако тот пожал плечами. Форд и Мэдди беспокойно переглянулись, затем Мэдди села на табурет рядом с Сойером.

– Ты в порядке?

Раньше его никто об этом не спрашивал. Люди считали, будто он всегда был одинаковым или по крайней мере должен быть. Потом в город приехали три сестры. Две из них захмутили его лучших друзей, и теперь то одна, то другая постоянно спрашивали, в порядке ли он.

– Я просто не голоден, вот и все.

Из кладовой появился Джекс. Он снял Мэдди с табурета, устроившись на нем, посадил ее к себе на колени, скользнув при этом рукой по задку.

– Теперь чувствуешь себя получше, крошка?

«Господи, – подумал Сойер, – с ними уже и Джекс интересуется чувствами».

– Намного лучше. А вот у Сойера был плохой день. Он говорит, что не голоден.

Джекс взглянул на него, подняв брови.

Сойер проигнорировал друга и, когда принесли еду, тут же занялся ею, чтобы доказать, что он в порядке.

– Ну, раз ты не голоден, я помогу тебе с картофелем... Эй! – рявкнул Джекс, поскольку Сойер угрожающе ткнул в его сторону вилкой. – Значит, ничего плохого с твоими инстинктами не случилось. – Наградив Мэдди сочным поцелуем, он вернулся к работе.

– Я собираюсь выйти за него, – мечтательно вздохнула Мэдди.

– Бог знает зачем. – Сойер потянулся за кетчупом, и она рассмеялась.

– Он делает меня счастливой. Он делает... все. Ты понимаешь?

Сойер кивнул, не желая разочаровывать ее. Мэдди с улыбкой обняла его и поцеловала в щеку.

– Ты очень милый.

Сойер едва не подавился картошкой. Опять милый. Видимо, пора убить кого-нибудь, чтобы его наконец оставили в покое.

Но тут вошла Хлоя и Сойер мгновенно забыл свое кровожадное желание. Он хотел... ее. Думал об этом с тех пор, как она удивила его в больнице. Мечтал об этом.

Хлоя была в черном кожаном пиджаке, ярко-красном свитере, короткой джинсовой юбке и высоких, до колен, сапогах. Блестящие темно-рыжие волосы, растрепавшиеся от ветра, каскадом ниспадали ей на плечи, заставляя его мечтать и обдумывать детали.

Подойдя к стойке бара, Хлоя не спросила, в порядке ли он. Не отяготила его своим беспокойством. Даже обошлась без своей обычной саркастической улыбки. Просто взглянула на него, и ему вдруг захотелось утонуть в ее зеленых глазах.

Еще он хотел вторую бутылку пива, возможно, отпуск и, конечно, женщину. Может, высокую блондинку с отличной фигурой, которой плевать на его чувства, у которой всего несколько слов: «Глубже, Сойер, еще глубже».

Но дело в том, что он не хотел высокую блондинку со всеми ее формами.

Он хотел эту маленькую, с женственными изгибами, рыжеволосую.

– После тяжелого дня мне всегда требуется что-то немного... безумное, – тихо сказала Хлоя и в ответ на его молчание добавила: – Возможно, скаут-орел не чувствует потребности в безумии.

– Скаут-орел?

Она улыбнулась.

– Я так сказала? Я имела в виду блюстителя закона, прости.

– Иногда безумие очень эффективно.

– Не дразни меня, – сказала Хлоя. – У нас разные представления о безумии. Я имею в виду прилив энергии, а ты – пиво – Она подтолкнула к нему бутылку.

– Ты не знаешь, что я имею в виду.

Хлоя слегка кивнула, наверное, собираясь ответить, когда между ними вклинился какой-то парень и хлопнул руками по стойке. Он был уже вдрызг пьяный, но сумел махнуть рукой в направлении Джекса.

– Эй, приятель, шевели задницей. Нам требуется еще кувшин, быстро!

– Как раз это вам и не требуется, – произнес Сойер.

Парень воинственно развернулся к нему. Сойер поднял рубашку, открыв полицейский значок, прикрепленный к поясу, и жестом велел парню отойти к его столу.

– Впечатляюще, – сказала Хлоя, когда тот безропотно подчинился. – У тебя был длинный тяжелый день. Я слышала об аварии.

Сойер не ответил. Не о чем говорить. Он не хотел сочувствия. Он хотел ее.

Хлоя продолжала смотреть на него, и все остальное, казалось, исчезло – привычный шум в баре, музыка, лица, все... Были только он и она. Хлоя прикоснулась к нему, просто легкое движение пальцев по плечу, но Сойер почувствовал, что дышит уже спокойнее.

Она едва заметно улыбнулась, в глазах – намек на вызов и, похоже, забота.

Он не хотел заботы.

А вот вызов... да. Он принял его.

– Ты слишком напряжен.

Хлоя встала у него за спиной и, положив руки ему на плечи, стала разминать его твердые мышцы удивительно сильными пальцами.

– Так лучше? – прошептала она ему в ухо, и он чуть не застонал, когда почувствовал ее груди.

Она забавлялась? Лучше всего для них обоих – это быть сейчас наедине и голыми. Но кто-то ее окликнул, и Хлоя отошла к друзьям, оставив его глядеть ей вслед и притворяясь безразличной.

Да, теперь они вели новую игру, в кошки-мышки, и Сойер был уверен, что не знает правил. Хлоя над чем-то засмеялась, бросив взгляд в его сторону.

Между ними определенно что-то изменилось. Это не плод его воображения, как он думал сначала. В конце концов, она всегда изводила его насмешками, он тоже не оставался в долгу, хотя всегда знал, что способен это игнорировать.

Больше уже не может.

Теперь они были одной искрой огня, который мог сжечь их обоих дотла. А это невозможно. Он слишком много работает, чтобы сделать это своей жизнью. Дисциплина – единственное, на что нужно рассчитывать, чтобы не сбиться с прямой дороги. Никто ему не поможет. Кобург умер, его отец не в счет, Форд и Джекс заняты началом своей новой жизни. Они заслуживают счастья и не должны беспокоиться о нем. Это логично и разумно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.